

Amorphous

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

25

Вологда
2003

ЗА СИЛЬНУЮ РОССИЮ!

Перед вами 25-й номер журнала «Автограф». Небольшой юбилей. Журнал выходит шестой год. И фактически это единственный периодический литературно-художественный журнал на всю Вологодскую область. На более чем миллионное население.

За эти годы общий тираж «Автографа» составил около 4 тысяч экземпляров. Чтобы издать журнал и распространить его среди читателей, приложили и прилагают свои усилия конкретные люди — библиофил Ю. Малоземов, писатель В. Белков, поэты Ю. Максин, Н. Бушенев, В. Серков, А. Дубинин, М. Григорьев, а также М. Казанская, В. Попова, М. Полетова, Н. Переслегина, Н. Шилова, З. Дубинина, В. Соколов и другие.

Мы считаем, что мы делаем важное дело. Мы за сильную, великую Россию! За то, чтобы в нашей стране люди продолжали творить и читать. За то, чтобы Правительство и Путин служили народу, а не кучке ожиревших наглецов. Чтобы убрать из политики и бизнеса всех предателей России, начиная с Ельцина. Мы за то, чтобы в Вологодском крае появлялись новые таланты!

Редакция

СОДЕРЖАНИЕ

ЗА СИЛЬНУЮ РОССИЮ!	2
СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	4
Ю. Максин, Н. Бушенев и др.	4
В МИРЕ РУБЦОВА	11
Вячеслав Белков	11
Майя Полётова	21
Виталий Серков	23
Сергей Жилин	23
ИЗБРАННОЕ	24
В. Серков	24
М. Григорьев	25
И. Захаров	26
КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА	27
О Твардовском	27
Юрий Максин	28
«Судьба на пороге»	29
Галина Швецова	30
Акция	32
Книжная полка	32
КОРОТКАЯ ПРОЗА	33
Ольга Кузнецова	33
ГРАФИКА	36
Василий Леоненко	36
Юрий Коробов	37
Василий Кеменов	38
Георгий Попов	39

Стихи последних лет

Юрий МАКСИН

Молодость пушинкой улетела.
Вешних сил
душе недостает.
Почему живу так неумело
и зачем навстречу пух несет?
Тополя
не сетуют однако,
весело пушатся каждый год.
Не указ им —
знаки Зодиака,
даже зависть
за сердце берет.
Знать хочу
и слышать, что любимый,
и мечтать,
и колобродить вновь.
Искра
пух взорвала тополиный.
Не спеши,
последняя любовь...

Артем КУЛЯБИН

Уединённых колоколен звон
Я слышу снова, я рождаюсь снова,
Смиренный тон отчаянного зова
Скитальцев кличет ото всех сторон.

Они идут и шепчут про себя
Молитв старинных сказочные звуки,
Винят свои продрогнувшие руки
И жгучим чувством души теребят.

Моя обитель, высь моя, зови!
Я покажусь неведомым пришельцем.
В груди до боли скомканное сердце
Забьется новой силою любви.

Зовёт тоска туманных побережий,
Моей родной земли унылый вид...
Прости меня. Нет, Бог тебя простит,
Не расставайся никогда с надеждой!

Звени, священный благовест Руси,
Звени и плачь, спасение пророча,
Звени и плачь и в сумерки, и в ночи
Спаси нас грешных. Господи, спаси:

Александр ДУБИНИН

Подальше от окна.
Душа со сна угрюма.
Всю ночь трещит стена,
Как днище трюма.

Живу на глубине
Какого океана?
Заходит скат ко мне —
Домашнее барана.

Встречаются во сне,
Не чувствуя подвоха,
Причастные волне:
Корсар и выпивоха.

Просел мой потолок,
Не выдержал давленья.
Хоть кто-нибудь помог:
— Сто грамм
для вдохновенья!

В полете каждый звук,
Все чувства на отлете...
Запру души сундук.
Забудусь в тихом гроте.

Елена САБЛИНА

Никто-никто не знает обо мне,
Из-за меня не плачут и не вздорят.
Я редкая жемчужина на дне
Нигде не существующего моря.
И пуст мой мир,
 лишь только иногда
В мои необозримые потемки
Сквозь бездну вод угасшая звезда
Ко мне свой луч
 протягивает тонкий.

Вячеслав БЕЛКОВ

СЛАВА

Всем хочется славы.
 И я прихожу!
Всегда налегке — с чемоданом.
Приду, посижу, полежу, погляжу,
Не буду ни трезвым, ни пьяным.

Вам хочется песен? Их нет у меня.
Но я помогу вам распеться.
Хотя у меня и семья, и родня,
И служба. И некуда деться.

Но не обольщайтесь. А то я иду.
Остыну, как мертвая лава,
Оставив записку на вашу беду:
«Прощайте, до завтрева. Слава».

Александр КРУГЛИКОВ

Сырые деревца. Сырые тротуары,
Опавшую листвой усеянные сплошь.
По городу иду проспектом старым,
Который ныне с «новым русским» схож.

Нарядные дома, шикарные витрины...
То веет на меня советской стариной,
То промелькнет деталь времен
 Екатерины,
To двадцать первый век стоит
 передо мной.

Вот новизной сверкнул дворец
 для безработных.
Вот Камерный театр встал скромно
 на углу.
К Собору у реки иду сквозь дождик
 плотный.
И купола рассеивают мглу...

Татьяна ЛАВТАКОВА

Как жаль, что, падая с небес
Мы забываем, что мы — звездны,
Что дети — чудо из чудес,
В опасном этом мире, грозном.
Что мы светить сюда пришли,
Что мы — из звездной колыбели,
Смешные жители Земли,
Мы ТАМ другие песни пели.
Звенела звездная капель,
Смывая накиль зла и боли,
Была из красок колыбель,
Душа звездой была на воле.

А дети — чудо из чудес
В опасном этом мире, грозном,
И жаль, что падая с небес,
Мы забываем, что мы звездны.

* * *

Каблучки быстроногой капели
отстучали,
И снова зима.
Только день уже в лето отчалил,
И под солнцем мои терема.
Ну не терем — всего лишь светелка,
Но светло в ней, тепло — не колюче,
А морозы — всего для острастки,
И метели — не так уж певучи.
Затаилась природа, притихла —
Копит сил для зеленого взрыва,
Огоньками цветочными вспыхнет,
Восхитимся и скажем: «Красиво!»
А морозы — всего для отстрастки,
И метели — не так уж певучи,
День готовится к солнечной сказке,
Каблучками капели озучен.

Татьяна ЦАРЕВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ВОЛОГДУ

Я обещала — и вернулась
К твоим заснеженным стопам.
Вновь сердце счастью улыбнулось.
Привет, мой край! Я снова к вам,
Певучим северным снегам,

И к вам, рубцовские березы,
Чьи «слезы», словно жемчуга...
Она, как прежде, дорога,
Твоя краса — в дождь и в морозы.

Все так же маковки светлы
Твоих церквей, старинно ясных,
И та же музыка звучит
В твоей душе, мой град прекрасный.
Во-лог-да!!!

Валентин ШАГИНОВ

* * *

Чей-то голос
Далекий и зыбкий
В телефоне сказал мне:
Она умерла.
И на ноте
Рыдающей скрипки
Мысль смятенно
Тотчас замерла.

Кто она?
Кто звонил? И откуда?
Почему я на эти вопросы
Не слышу ответа?
Может это неумная,
Злая причуда
Позабытой знакомой,
Чья гордость задета?

Или лопнули струны
У маленькой скрипки,
Что когда-то
В душе у меня прозвучала?
Вздох печальный
Прощальной улыбки.
Только я почему-то
Не помню начала.

Но в ответ тишина.
Больше знать мне не надо.
Так задуман был этот
Житейский финал.

За беспечность мою
Мне досталась награда.
Что она ждет меня,
До сих пор я не знал.

Валентин РЕЗНИК

А стоит ли дразнить гусей
И говорить в лицо отчизне,
Все, что ты думаешь о ней
По той или иной причине?
Но прежде чем спустить курок
Обид и грозных обвинений,
Ты все же не забудь, «пророк»,
Встать перед нею на колени.

Надежда СЕЛИВЕРСТОВА

Наивной девочке, мне так хотелось верить,
Что в полночь не развеется мечта,
И принц не просто туфельку примерить
Пришёл, а чтоб остаться навсегда.

Пусть вместо бала — дом и телевизор
И тапки — вместо туфелек. Пустяк.
«Диванный принц» лежит,
Доволен жизнью,
И нет сомнений: всё должно быть так.

Я к новой сказке, кажется, привыкла,
Себя же за мечтательность виня,
Но грустно на полу желтеет тыква,
Увы, не став каретой для меня.

г. Никольск

Александр ПОШЕХОНОВ

РОЖДЕСТВО

Был звонким день.
Мороз куржавил дали.
На Рождество
Три ясных солнца
Над землей стояли —
Как волшебство.

Три ясных солнца,
Словно три завета
Небесных Крыл...
Я любовался
Триединством света
И крест творил.

Три ясных солнца?!
В это время года?!

Вот это да!..
Я любовался,
Зная, что Природа
Права всегда.

Нина ГРУЗДЕВА

После нас не останется писем,
А душевые связи тонки,
И уносятся в звездные выси
Телефонные наши звонки.

Может, где-то
в межзвездной Вселенной,
На звезде или в райском тепле
Вдруг настигнет звонок тот,
последний,
Не заставший меня на Земле.

Т. СЕРОВА

Ветры с поля пахнут теплым летом,
Действом, домом, добротой земли.
Ты хотел поговорить об этом —
Так давай, сейчас поговори.

Как стрекозы кружатся, танцуя,
Как дожди над августом мурят,
Ты меня запомни молодую,
Я такая буду для тебя.

Я сожгу печали и проклятья
В животворной чистоте огня.
Хочешь, я надену это платье —
То, в котором встретил ты меня?..

Устье Кубенское

Николай БУШЕНЕВ

Слышится голос надрывный в ночи —
колокольный.
Не дотянуть до поры мне глубинного света.
Не оттого ли печально, тоскливо и больно.
Вот и окончилось краткое знойное лето.

Но ухожу я спокойно из этого края.
Края осенних дождей, безнадежья и скуки.
Скудную утварь в котомку свою собирая,
К небу вздымая свои одряхлевшие руки.

Я ухожу. Это значит: никем я не изгнан.
Просто другая меня ожидает обитель.
Видел немало я всякого в горестной жизни.
В мире ином ничего я пока что не видел.

Ценят там, слышал, совсем не за то,
что неистов.
Примут, коль светел, и пусть не умеешь ты
драться.
Я возвращусь... А когда?.. Может, лет через
триста.
И расскажу вам... Но нет — вам меня
не дождаться.

То ли слякоть, то ли снежеть, то ли тлен...
Ничего я не ищу взамен.
Никуда я не хочу, не рвусь.
Сам с собой и здесь, быть может, разберусь.
«Рыба ищет...» Я ж не рыба, не карась.
Если надо, то найдут.
Скажут: «Жизнь не удалась!»
У иных-то денег куры не клюют».

Но морщины поразглажу я на лбу.
Не кляну свою судьбу.
Сам не клюй и да несклённому быть!
И пора умерить прыть.

Нет улова, но и сам ты не улов.
И для злого будь незлой.
Чистым будь и в грязной жиже перемен...
То ли снежеть, то ли слякоть, то ли тлен...»

21.10.02

Галина ШВЕЦОВА

Как старый снимок выцветает,
Так безнадежно средь полей
Меж древних яблонь прорастает
Забвенье родины моей.

Оно не жжёт крапивой пятки,
Загородив дверной проем.
И не играет с солнцем в прятки,
Не побежав за окном.
И лишь одно перед глазами,
Как снимки очень давних дней:
Меж юных яблонь — ножки мамы
У дома вотчины моей.

Ирина ГОРШКОВА

ОРАНЖЕВОЕ СОЛНЦЕ УХОДИЛО...

Оранжевое солнце уходило,
Снижаясь над хребтами
горных круч.
А белая черёмуха просила
Остаться с ней его последний луч.

Стущался аромат её цветенья.
И облачка махровых лепестков
В одно неосторожное мгновенье
Рассыпались на тысячи цветков.

И каждый плакал вяющим нектаром
И солнцу вслед твердил:
«Не уходи!»

И обволакивал горячим паром
Прозрачный вечер спящие ладьи.

Её глаза, черёмуши, тускнели.
Морщинки нежный расчертлили,
А в розовой закатной кольбели
Последний луч и тень уже
слились.

Оранжевое солнце покраснело,
Ресницы золотые опустив,
Оно любить, наверно, не умело...
Любило, чтобы покинуть, опалив.

Галина КОНСТАНСКАЯ

К твоей груди прижмусь в отчаяньи,
прижмусь в отчаяньи к груди.
И выдохну как бы нечаянно:
«Не покидай ...Не уходи...»
Лишь на мгновенье стану слабою,
Но этот миг вместит века...
Я становлюсь обычной бабою
в объятьях сильных мужика!

Леонид ЛЕБЕДЕВ

ДЕД АФОНИЯ

Дед Афоня живет не роскошно,
Щи ест серые, кашу и хлеб,
— На не наше глядеть даже тошно, —
Говорит невзыскательный дед.

Нет зубов, все пускает на терку,
Любит мясо, селедку с душком,
Ярославскую курит махорку,
На базар ходит в город пешком.

Любит острое все и соленяя,
Чай без сахара кушать привык,
И, тоскуя по бабке Васене,
Век чужой разменял уж старик.

В целом доме один бедолага,
Девяностый годок завершил;
Всю без бабы скотину решил,
Лишь осталась слепая собака.

Не пугает инфляция дела,
К жизни скромной привык он давно,
Только б было достаточно хлеба,
Да на праздники было вино.

г. Череповец

Анатолий ВОЛКОВ

ПОЭЗИЯ

В сомненье вижу я разлом,
В застывшем взгляде — скучи снимок.
Поэзия видна во всем,
Поэтому необъяснима.

И тем, кто жив, кто не ослеп,
Чьи песни до конца не спеты,
Поэзия нужна, как хлеб,
Поэтому живут поэты.

Однажды взявшись за перо —
Без просьбы и чьих-нибудь согласий —
Поэзия творит добро,
Поэтому и мир прекрасен.

В безудержный весенний час
Ударами в сердечный бубен
Поэзия проникла в нас,
Поэтому с тобой мы любим.

Сто раз признанье повторим:
Не отыскать созвучья лучше,
Поэзия — слиянье рифм,
Поэтому мы неразлучны.

Одна невидимая нить
Ведёт нас по дорогам встречным.
Поэзию не умртвить,
Поэтому мы будем вечны.

г. Череповец

Юлия НЕЧУНАЕВА

37-я школа

* * *

Листья палитрой осени
Землю укрыть спешат.
Морозной тронуты проседью,
О лете вздыхают-шуршат.
Тумана холодного клочья,
Упав с высоты небес,
Как тени ушедшей ночи,
Стыдливо прячутся в лес.
Как будто устав от зноя,
Свой суетный бег уняв,
Природа ищет покоя
В осенних коротких днях.

Юлия ЧИРКОВА

37-я школа

ОСЕНЬ

Солнце прячется за тучи,
Птицы тянутся на юг,
Ветер листья в небе кружит,
Дождик капает чуть-чуть.
Деревья шумным листопадом
Роняют всю свою листву.
И сразу люди понимают,
Что встретим осень мы свою.

В мире Рубцова

Вячеслав БЕЛКОВ

ГОД ПОЭЗИИ И «ЛИРИКИ»

Год 1965-й стал для Рубцова годом творчества и публикаций. Творческий подъем, начавшийся у него в 62-м году и достигший своего пика в 1963–64 годах, продолжался и в 65-м. В этом году у него вышла первая официальная книжка «Лирика»...

Уже 1 января 65-го тотемская районная газета «Ленинское знамя» публикует стихотворение «Мороз» («Мороз под звездочками светлыми»), которое позднее получило название «Январское».

Поэт встретил Новый год в общаге литеинститута. Но уже в начале января он, видимо, в Николе. Сюда адресована открытка; Вологод. область, с. Никольское. Великому Коле Рубцову. Текст: «Поздравляем с Новым годом. Крепко целуем. Филипов, Шапиро, Соречинский (нрзб.), Юзик, Ирина, Соколов, Твардовский и др. (всего 10869 подписей). Открытка из Москвы, из ЦДЛ, датируется по штемпелю — 5.01.65. Количество подписей и Твардовский — это, конечно, шутка. А вот слово «великий» скоро перестало быть шуткой. Юзик — это Юз Алешковский, Ирина — его жена. Присутствие фамилии В. Соколова говорит о том, в какой компании поэт Соколов вращался.

9 января тотемская районка напечатала стихотворение Рубцова «Окошко. Стол. Половики...», ранний вариант. Видимо, в эти дни поэт был в Тотьме, потому что очень быстро ему передали письмо, написанное одним стихотворцем 10 января. В письме — стихотворение «Три героя — три орла» (посвящается экипажу корабля «Восход»). Письмо хранится у меня, цитирую первые строки:

*В сиянии неба голубого,
в блеске солнечных лучей
Корабль «Восход» быстрее птицы,
плавно несся над Землей...*

В конце приписка: «Уважаемый тов. Рубцов! Посылаю Вам на консультацию свои стихи... прошу сообщить, что худо — что хорошо и выслать мне обратно вместе с Вашей рецензией. Козлов Иван Игнатьевич, гор. Тотьма, Советская, 38».

Рубцов ответил уже 12 января (обычно его ответ ошибочно датируют 64-м годом, но дело в том, что первым ошибся сам Рубцов — 65-й год только начался и рука его по привычке вывела предыдущую цифру). Ответил очень тактично и слишком подробно. Стихотворение крайне слабое, но к поэту еще редко обращались за консультацией, и он был полон решимости что-то подсказать графоманам. Приведу лишь кусочек из его ответа: «В Вашем же стихотворении... нет оригинального настроения, т.е. нет темы души. Вы, очевидно, думаете, что достаточно взять какую-либо тему современного прогресса, особенно популярную, и уже получится поэтическое стихотворение. Но это не так. Хорошо, когда поэт спо-

собен откликаться на повседневные значительные события жизни, общества. Но надо сначала своими стихами убедить людей в том, что Вы поэт, чтобы к Вашим словам относились с вниманием и интересом, а потом уже откликаться на эти значительные события...» («ВК», 18 января 1978).

15 января Рубцов восстановлен в литеинституте, но лишь на заочном отделении. Писатели-вологжане продолжали хлопотать за него, но ничего не помогло. Тем более, что нозт не сдал несколько контрольных работ, да и вляпался позднее в одну неприятную историю. Но об этом дальше.

23 января поэт Александр Романов отправил Рубцову в Николу письмо. Пишет о рукописи сборника Рубцова, посланном в Архангельское издательство — «включается в план на будущий год» (вышла раньше — В.Б.) Пишет о работе в Вологде для Рубцова — в «ВК» свободных мест нет, на что живешь?, понимаю, что тебе бывает худо. Передает привет от Белова. Это ответное письмо, Романов отвечает с задержкой.

9 февраля газета «Ленинское знамя» публикует два новых стихотворения поэта — «Пушкин» и «Встреча» («Как сильно изменился ты...») Внизу — «с. Никольское». 10 февраля газета «ВК» публикует 4 стихотворения Рубцова — «Цветы», «Зимняя песня», «Мачты», «В горнице». Вероятно, это первая публикация окончательного варианта «Горницы», работа над которым завершилась в прошлом году. Но одну строчку поэт еще поправит. Здесь: «Буду поливать цветы. Думая о их судьбе...»

17 февраля Рубцов пишет письмо своему преподавателю Н. Н. Сидоренко в Москву. Вот оно в сокращении:

«Добрый день, Николай Николаевич! Какие у Вас есть приметные новости, и у Вас лично и на семинаре? Рад был бы получить от Вас опять весточку. Так довольно долго ничего не писал Вам потому, что о себе писать нечего. Но вспоминаю Вас по-прежнему часто и всегда с самым добрым чувством. И Вас, и Вашу семью, и семинар...

Из института мне приходят какие-то странные письма. Например, снова просят справку с места работы, чтобы оформить приказ о моем восстановлении, т.е. значит, что мое положение в институте по-прежнему было очень зыбкое, о чем я не знал. Справку послал. Потом пришла рецензия на курсовую работу В. Рубцова. Пришла почему-то на мое имя эта заблудившаяся рецензия. Потом послали обзор совр. литературы в помощь студентам. А вот никаких заданий я до сих пор не получил...

В «Огоньке» тоже ничего пока нет и нет... Между прочим, какая-нибудь скорая публикация для меня сейчас была бы очень, очень кстати. Живу по-прежнему. Только по временам все сильнее и сильнее чувствую какую-то беспросветность в будущем. Порой кажется, что я уже испытал и все радости, и все печали. Все сильнее и сильнее люблю Л. Толстого, Тютчева, Пушкина, Есенина.

До свиданья, Николай Николаевич. С прежним полным уважением и любовью.
Н. Рубцов

Простите, приходится продолжить. Мне кажется, что Вы отнесли тогда в «Огонек» в числе других стихов и стихотворение «Родная деревня». На тот случай, если его примут к публикации, я посыпав его новый, последний вариант.» Н. Сидоренко ответил на это письмо 21 марта.

3 марта газета «Красный Север» поместила 2 стихотворения Рубцова — «В горнице» и «Окошко. Стол. Половики...» Забегая вперед, скажу, что в конце года «Красный Север» еще

раз опубликует ст-е «В горнице». Публикация будет приурочена к открытию семинара молодых авторов в Вологде.

Несколько раз мне встречалось упоминание в литературе о том, что 4 марта района «Лен. знамя» опубликовала какую-то заметку Рубцова. Я пролистал всю подшивку газеты, но заметки не нашел.

15 марта. Приказ по «Вологодскому комсомольцу»: командировать внешт. корреспондента Рубцова Н. М. в Устье-Кубенское сроком на 5 дней с 16 марта по 21 марта. С ним поехал некто Лебедев В. М., тоже внешт. корреспондент. То есть, Рубцов уже был в Вологде к этому времени. По итогам поездки поэт написал заметку «На Шамбовской дальней ферме», была опубликована в «ВК» 26 марта.

Видимо, вскоре поэт побывал в Москве. 30 марта Егор Исаев, один из руководителей изд-ва «Советский писатель», пишет записку редактору Вл. Семакину: «Волода! Срочно прочитай рукопись Рубцова, (за день-два) определи состав. Надо с ним заключить авансовый (25%) договор. Бор. Ваныч. поддержит, я уже договорился. Будь добр, не затягивай — Рубцов хороший поэт, нашенский — деревенский, и он сейчас бедствует. Держи связь с Рубцовым через Анатолия Передреева. Егор». (Архив В. Белкова).

Конечно, это был хороший ход со стороны Исаева. Видимо, договор был вскоре подписан и наш поэт получил денежный аванс.

Уже 5 апреля В. Семакин пишет первое редакторское заключение на рукопись Рубцова, в котором одобряет ее. А между тем поэт пытается восстановиться на дневном отделении. 8 апреля он пишет заявление в институт и прилагает к нему ходатайство Вологодского отделения Союза писателей. (Н. Коняев).

Но через несколько дней поэт попал в скверную историю. Вот документ, разысканный Н. Коняевым:

«Директору литературного института им. А. М. Горького.

19 о/мил. г. Москвы был задержан студент-заочник Литературного института Рубцов Николай Михайлович. Будучи в нетрезвом состоянии и проезжая в такси ММТ-11-94 — водитель Акименко, Рубцов вел себя недостойно, наносил оскорблений водителю, отказался уплатить 64 копейки за проезд.

В дежурной части отд. милиции вел себя также недостойно и только после настойчивых требований дежурного уплатил по счетчику за пользование такси 64 копейки. В о/милиции Рубцов находился до полного вытрезвления с 20.00 ч. 17/04 до 7.30 18/04-65 г. Считаю, что подобное недостойное поведение Рубцова позорит высокое звание советского студента Литературного института и заслуживает строгого обсуждения, тем более что Рубцов не имеет постоянного места жительства.

Начальник 19-го отд. милиции г. Москвы Куковкин».

Вот теперь и Куковкин с Акименко прославились. Не тогда ли Рубцов сочинил экспромт:

*Ты спроси меня, спроси:
Ездишь, Коля, на такси?
Я отвечу со смешком:
Лучше двигаться пешком...*

Потом Рубцов объяснил, что таксистка попросту обманула его: взяла авансом три рубля с него, а потом видит, что этого простака можно облапошить и получить с него еще 64 копейки, он же пьяненький и милиция будет на ее стороне! Так и получилось, и Акименко взяла на душу большой грех. Рубцов писал ректору Пименову: «Когда, выходя из машины, я попросил сдачу, водительница отказалась вернуть ее. Она с нескрываемым нахальством стала утверждать, что никаких денег у меня не брала. Тут стоит помянуть Есенина: такую лапу не видал я сроду! А если помянуть Гоголя, это черт знает что такое! И тогда я нарушил свое правило последнего времени: не гневаться и тем более не разжигать в себе гнев. Я потребовал продолжить поездку до ближайшего милиционера. Я это сделал с целью «прощать» ее». И дальше идут замечательные слова: «Теперь я понимаю, что поступил тогда удивительно глупо. В деревне, наверное, поглупел...»

Вот так гениальный поэт оказался «глупей» московских пройдох. Интересная деталь — при обыске в милиции у Рубцова обнаружили: студенческий билет, серый шарф, военный билет, три рубля, два ключа, брючный ремень... И паспорт ХУ-ПА № 576384 от 3/X 1959 г.

Ректор Пименов сообщил о случившемся в Вологду А. Романову и отказал, нехороший человек, в переводе поэта на очное отделение.

Но — жизнь и учеба продолжались. 6 мая не была зачтена преподавателем контрольная работа Рубцова «Роль коммунистической идеологии в формировании нового человека». Этим же числом датирована рецензия Валентины Дынник на курсовую работу поэта по зарубежной литературе «Композиция Дон Жуана». Рецензия хранится в фонде поэта в го-архиве Вологодской области. Цитата: «...По складу Вашего ума и по характеру Ваших интересов (насколько я могла их разгадать), Вы могли бы на избранную Вами тему написать больше и лучше. То, что Вы написали, не выходит за пределы общеизвестного... А жаль!...» Все же курсовая была зачтена.

А 14 мая «с большой натяжкой» была зачтена работа Рубцова «Классы и классовая борьба».

Видимо, в это время уже была сдана в набор первая книжка поэта «Лирика». 9 июня он подписал договор с «Советским писателем» об издании книги «Звезда полей», о чем мы уже упоминали. Вскоре после этого Рубцов, вероятно, покинул Москву и поехал в Вологду и Николу.

Но примерно в это же время поэт побывал и в Питере. Вот как вспоминает об этом Эдуард Шнейдерман: «...Появился у меня летом 65-го, вместе с другим литеинститутским поэтом, огненно-рыжим. Тот прочел по заказу Коли стихотворение про колхозного петуха... Видно было, что автор очень гордится своим произведением... Больше Коля не то чтобы не просил — просто не позволял ему ничего своего читать, предупредив нас, что остальное неинтересно, разговаривал с ним полупрезрительно, свысока, зло над ним подшучивал, отчитывал его, что он не то сказал, не так прореагировал, а тот, бедняга, мало того, что все это терпеливо сносил, еще и распинался о громадном Колином таланте. Рубцова же это сердило, он обрывал славословия приятеля... Сам же Рубцов читал новое, читал много и с большой охотой. Но весь вечер был взвинчен, заносчив, подозрителен, обижался на шутки, какие раньше понял бы и поддержал, несколько раз обиделся по пустякам... И все это было мне неприятно, стал он совсем чужой, и откровенничать с ним не хотелось. И никаких серьезных, никаких глубоких, как прежде, разговоров на сей раз не получалось. Эта встреча оказалась последней. Без шумной размолвки, без никакого скандала, просто

мы оба почуяли, что наши пути разошлись, и — навсегда расстались...» Жаль, что воспоминания получились (почему так?) однобокими. Шнейдерман говорит о человеке, но не говорит о поэте. О поэзии! Молчит о тех новых стихах, которые так «много читал» в тот раз Николай Рубцов!..

10 июля районная газета «Ленинское здамя» публикует стихи поэта для детей — «Коза», «Медведь», «Лесник» («Стоит изба...»). 17 июля там же — стихотворение «Цветок и нива». В начале августа Рубцов получил письмо (ответное) из Нарьян-Мара от Василия Ледкова, который тоже был заочником литинститута. Письмо довольно пустое, датировано 29 июля (в архиве указана почему-то другая дата).

4 августа на работу в «Вологодский комсомолец» был принят друг поэта Сергей Багров. 5 августа Рубцов получил в Никольском сельсовете справку о том, что он действительно проживал в селе Никольском. Видимо, такая справка о прописке была необходимым приложением к паспорту для студентов-заочников. Затем поэт приехал в Вологду и встретился с Багровым. Сергей Петрович позднее описал эту встречу очень хорошо и подробно: «В августе 1965 года несколько дней Рубцов жил в двух километрах от Вологды, в деревне Маурено, где я снимал у местного жителя крохотную квартирку. Помню, как шли поутру средь поспевших хлебов по росистой тропе.

— Это мое! — Рубцов показал на взятое золотом поле ржи, не спеша уходившее к горизонту.

— Это тоже мое! — показал минут через пять на стайку вспорхнувших ласточек над забором.

— И это мое! — палец его обводил полукругом равнину лугов, над которыми громоздились, как горы, толпы сиренево-белых туманов. — Ты видишь обычное испарение. Я же — могучую конницу Чингис-Хана, поднявшую пыль на тысячу километров! Этот образ я забираю себе. Честное слово, я счастлив! Этого злого гения я знаю и понимаю.

— Понимаешь?

— Представь себе. Лучше всех! Я его чувствую всеми своими костями. Я напишу поэму о Чингис-Хане.

Когда у поэта И. Бродского спросили, почему он не хочет съездить в Россию, он ответил: «А что мне там делать? Ну, хотел бы я побывать в двух-трех квартирах...» Без комментариев.

Вероятно, с конца августа до середины сентября Рубцов был в Москве, решал дела с институтом. А может, пробыл там и до конца сентября. 5 сентября получил задание (а может, и командировку) журнала «Сельская молодежь» подготовить материалы о жизни интеллигенции Вологодской области. См. госархив Вол. области.

В начале октября поэт в Вологде. Приехал он сюда из Николы или из Москвы, не ясно. В Вологде Рубцов участвовал в собрании городского творческого клуба «Современник», читал там свои стихи и очень успешно. Об этой встрече хорошо и подробно написала Н. Старичкова, но она говорит, что поэт был в валенках. Значит, что-то перепуталось в памяти. Заметка-отчет о собрании «Современника» напечатана в «Вологодском комсомольце» 15 октября 65 года, автор В. Аринин. Примерно в эти же дни Рубцов получил авторские экземпляры своей книжки «Лирика» (она печаталась в Вологде) и вскоре уехал в Николу.

Есть смысл полностью привести здесь письмо Рубцова Василию Елесину из Николы в Тотьму, написанное 13 октября:

«Дорогой Вася! Я опять в Николе. На сей раз в командировке сюда на длительный срок Союзом писателей. Возможно, что скоро уеду. У меня вышла книжечка. Конечно, тут далеко не все, на что я способен. Ну пустяк. Посылаю одну книжечку тебе. Найдешь нужным — отрецензируй, я не буду против.

А еще в 10 номере «Октября» вышла большая подборка моих стихов. Можешь посмотреть.

Вот вкратце такие мои дела. Сейчас я возьмусь писать два очерка по заданию журнала «Сельская молодежь». Вполне возможно, что ничего не напишу. (И не написал. — В.Б.)

Вася, милый, как ты там живешь в своей скучной, но хорошей Тотьме? По-прежнему? Есть ли новости?

В Москве я побывал у Александра Яшина. Осталось очень хорошее, но печальное воспоминание: слишком уж часто он болеет.

Ну, жму руку. Напиши мне. Буду рад.

С приветом Н.Рубцов.

Елесин сразу откликнулся письмом. И Рубцов снова пишет ему 24 октября. Письмо тоже интересное, процитирую одно место:

«...Слушать завывание деревенского ветра осенью и зимой — то же, что слушать классическую музыку, например, Чайковского, к которому я ни разу не мог остаться равнодушным».

Поэт посыпает с письмом пару своих стихотворений, и приводит варианты строк, чтобы удовлетворить цензуру. Например: «Нет, не найдет успокоеня мой беспокойный бодрый дух!» Рубцов просит опубликовать эти стихи в районной газете. Второе стихотворение — «Осенние этюды» — посвящено Яшину.

В эти же дни поэт получает письмо из Вологды от А. Романова. Тот пишет о семинаре молодых авторов, который будет в конце года, хвалит стихи Рубцова в «Октябре», гордится, что это стихи вологодского автора.

Но я забыл назвать еще одну публикацию — стихотворение Рубцова «Последняя ночь» (о Д. Кедрине) в газете «Ленинское знамя» 23 сентября. Интересно, что в этом же номере — рассказ Василия Белова «На родине» с фразой «Тихая моя родина, ты все так же...»

А Василий Елесин довольно быстро написал отзыв о первой книжке поэта и опубликовал его в районке 30 октября. Цитирую:

«Книжка Рубцова невелика. Но каждое стихотворение накалено страстью его души, насыщено глубокими раздумьями о жизни, о своем месте в ней. Тонко чувствует поэт родную природу...» Очень точное и смелое название дал Елесин своей рецензии — «И песни русские слышны...»

Возвращаясь к стихотворению о Д. Кедрине, стоит процитировать несколько строк. Рубцов явно пишет и о себе, о своей бесприютности, а главное о том, как он понимает миссию поэта, и о слове:

...Когда один в знобящей мгле
В свое жилище Дмитрий Кедрин
Спешил, вздыхая о тепле...

*Поэт, бывало, скажет слово
В любой компании чужой, —
Его уж любят, как святого,
Кристально чистого душой!..*

Это стихотворение не вошло в «Лирику», как не вошли туда и многие другие, более удачные и даже гениальные стихи. Но о том, как «Лирику» испортили в издательстве, уже много раз писали.

После 7 ноября Рубцов пишет письмо в Вологду Александру Романову. При публикациях его всегда неверно датировали. Вот выдержки из письма: «Дорогой Саша! Очень рад был твоей весточке. Извини только, что не поздравил тебя с праздником... С Москвой пока не поддерживаю никакой связи. Да это и ужасно трудно при никаких транспортных и дорожных условиях. И жаль еще: у меня здесь нет пишущей машинки, а я срочно должен перепечатывать рукопись «Сов. писовскую» и отсыпать ее... Это я пишу просто так — «жалобы турка»...

Вопрос: как все-таки из этой глупши ты посоветуешь мне «проявить себя» в Вологде? Саша, я тут поднаписал кое-каких стихов. Два из них — «Осенние этюды» (длинное) и «Кружусь ли я...» — посыпаю тебе... Вызыва твоего жду. Может, смогу из этого бездорожья выбраться.

Сердечный привет твоей семье, Васе Белову, С. Багрову (что он мне журнал-то не послал?) Да хранит тебя бог. Н. Рубцов».

19 ноября Рубцов пишет письмо в Москву А. Яшину. Вот фрагменты этого письма: «Я часто вспоминаю Вас и тот вечер, когда мы с Феликсом были у Вас. Тогда за столом, между прочим, мне особенно понравились грибы.

Я давно уже в деревне (по-прежнему снимаю здесь «угол»). Первым делом, как приехал сюда, закинул удочку в холодную реку — ничего не попалось. Сходил в лес — ничего не нашел, кроме замороженных старых масляков и рыжиков...

В деревне мне, честно говоря, уже многое надоело. Иногда просто тошно становится от однообразных бабьих разговоров, которые постоянно вертятся вокруг двух-трех бытовых понятий или обстоятельств... Особенно не люблю тех женщин, которые вечно прибедняются, вечно жалуются на что-то, вечно у которых кто-то виноват и виноват настолько, что они рады бы стереть его с лица земли... Столько ненависти в словах некоторых женщин, вернее, все-таки баб, что слушать их просто страшно. Кажется, от «толстовства» в деревне и следа не осталось. Конечно, я знаю и очень привлекательные свойства сельских жителей...»

В середине письма поэт жалуется на то, как его облегорили в Архангельском издательстве, недоплатили за книжку. И просит у Яшина совета и помощи. И заканчивает так: «Жаль, что эти идиоты вынудили меня побеспокоить Вас и испортить свое письмо. Передайте мой сердечный привет дорогой Злате Константиновне, Вашим чудесным девушкиам и ребятам. Будьте здоровы! Да хранит Вас Бог!»

Из письма выясняется, что Рубцов был у Яшина вместе с Ф. Кузнецовым, тоже земляком. Уточняются и даты: скорей всего поэт был в столице в сентябре-начале октября, затем он проездом был в Вологде, где выступил на собрании клуба «Современник», и вернулся в Николу. Кстати, Юрий Кириенко в своей книге о Рубцове сделал несколько ошибок. Например

мер, он пишет: «Рубцов жил в общежитии (в Москве) в ноябре-декабре 1965 года». Но поэт отправил из Николы примерно 10 ноября письмо Романову. 19 ноября он пишет: «Я давно уже в деревне...», потом еще пишет в Москву, а 30 ноября берет справку в Никольском сельсовете и вскоре отправляется в Вологду!

В письме Яшину есть интересный мотив. Дело в том, что Яшин много писал о деревне. И вот Рубцов, когда пишет о бабской нетерпимости, о злости, не то чтобы полемизирует с Яшиным, но как бы уточняет его представления о современной деревне. Рубцов ясно видел плохое и в городе, и в деревне, и умел сказать об этом в стихах. Конечно, не прямо, не публицистически. А когда он пишет — «стереть с лица земли», то мы должны понимать, что это фраза из Библии, и одновременно из «Гамлета» в переводе Пастернака...

Когда поэт писал письмо А. Яшину, то одновременно, видимо, начал и письмо в Архангельское издательство. Но не дописал его и не отправил. В двухтомнике «Русский огонек» (Вологда, 1994) этот набросок опубликован. Приведу лишь несколько фраз: «Все 75 стихотворений, исключенные Вами из рукописи «Лирика», сейчас одобрены издательством «Советский писатель» и выйдут скоро книжкой «Звезда полей». Почти все эти стихи. Так что, повторяю, выбросили Вы их абсолютно произвольно. Это говорит лучше всего о Вашем отношении к автору».

20 ноября Рубцов пишет интересное письмо в Москву своему другу Феликсу Кузнецovу. Хотя впервые оно опубликовано сравнительно недавно, его уже не раз цитировали. Рубцов, в частности, пишет: «Перед отъездом из Москвы я заезжал к тебе домой с бутылкой шампанского, чтобы проститься. Видел тогда только твоих девочек. В тот же вечер немедленно выехал из Москвы, доставившей мне на этот раз столько неприятностей. Хотел уехать нарочно один, без всяких провожающих, но на вокзале меня поджидала Лариса. Это моя знакомая — очень хорошая юная девушка...

Живу тихо, но не настолько спокойно, как это некоторые могут подумать, представляя себе деревню. Нет. Где люди — там нет покоя. Пусть только два двора будут стоять посреди огромной тайги — но и тогда все равно будут происходить драмы, вплоть до самых ужасных трагедий.

Феликс! Я обратил внимание, что листок, на котором я пишу, лежит на «Лит. газете», а в ней написано: «Моя поэтическая личность... всегда отделена от меня». Это слова какой-то Майи Борисовой, которые приводит в своей статье «Диалог соседей» твой (и наш общий) друг Ал. Михайлов. Приводит их и добавляет: «Мне близка эта мысль, подтверждающая мою позицию в наших спорах о лирическом герое». Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Умники! Ужас! Михайлов, оказывается, не «рубит» в поэзии. А ты говорил ... Нашел еще, на кого ссылаться! Великий русский поэт Борисова! Ну, да ладно: у них своя компания, у нас — своя. И прошу прощения: я задел такую личность, от которой навсегда отделена не только поэзия, но в любой момент может отделиться приказ о моем исключении из института...

У меня вышла в Архангельске маленькая книжечка. Да хранит тебя бог! Н. Рубцов».

Опубликованные письма поэта к Яшину и Ф. Кузнецову очень обогатили наше представление о Рубцове. Он прекрасно владел пером и в прозе, обладал тонким юмором, мастерски делал философские обобщения, прекрасно разбирался в поэзии, в критике... Вместе с письмом Кузнецову поэт послал несколько стихотворений — «Осенние этюды», «Кружаусь ли я в Москве бурливой...», «Памяти Анциферова», «Избушка». Последнее стихотво-

рение, очень короткое, было зачеркнуто Рубцовым. Долгое время мы вообще не знали о его существовании:

*Занесенная снегом избутика
Все-то знает, о чем ни спроси!
Все расскажет она, как подружка,
О судьбе поседевшей Руси.*

«Осенние этюды» Рубцов успел уже доработать. В том варианте, который он посыпал Василию Блесину, начало было другое:

*Покрылись мглою сельские просторы,
Цветы завяли, птицы улетели,
В соседстве с темной сказочной часовней...*

Изменилась и концовка. Поэт дописал строфы, ставшие затем знаменитыми:

*Прошел октябрь. Пустынно за овином.
Звенит снежок в траве обледенелой,
И глухнет жизнь под небом оловянным... и т.д.*

Не знаю, подарил ли Рубцов Феликсу Кузнецову свою «Лирику». В Вологде в одном из частных собраний хранится такая книжка с надписью, сделанной рукой Рубцова:

*«Дорогому другу
Феликсу Кузнецову.
Счастье — это радость.
Радость — это момент.
Цени момент».*

Даты и подписи нет. Вероятно, книжка была найдена в квартире поэта после его смерти.

4 декабря в одной из районных газет появилась заметка Л. Мелкова «Лирика Николая Рубцова». Она начинается словами: «Я не ошибусь, если скажу, что в литературу пришел новый талантливый поэт — Николай Рубцов. Его первая книжка полностью подтверждает эти слова».

К этому времени поэт был уже в Вологде. 5 декабря газета «Вологодский комсомолец» поместила рецензию Ю. Ратникова на его книжку, здесь же опубликовано стихотворение «Вода недвижнее стекла...» и заметка А. Романова о грядущем семинаре молодых авторов. Ее стоит процитировать: «После двухлетнего перерыва Вологодское отделение Союза писателей 7–8 декабря вновь проводит областной семинар молодых поэтов и писателей...» Среди участников назван и «Николай Рубцов из Тотемского района, быстро шагнувший на страницы многих столичных журналов и уже выпустивший первый сборничек лирики...»

Видимо, Рубцов был все-таки не рядовым участником семинара, потому что его попросили что-нибудь прочитать в конце семинара, и он прочитал. Вечером 8 декабря отмечали

окончание работы семинара в ресторане «Север». Там поэт познакомился с Нелей Старичковой. За столиком были также Б. Чулков, Н. Груздева, В. Пашов. Потом Н. Старичкова предложила Рубцову переночевать у нее дома, потому что у поэта жилья не было. Дома Рубцов стал приставать к ней: «Он схватил меня и не прижал, а притиснул к себе так плотно, что слышала, как гулко стучит его сердце. Стал целовать с такой страстью, что я чуть не задохнулась и с трудом вырвалась из его объятий...» Нинель Старичкова подробно описала события 8 и 9 декабря в книге своих воспоминаний. Приведу одну фразу поэта: «У меня ведь тоже не все печатают, требуют написать о тракторе на поле. А я на этом поле не трактор вижу, а камень, которому миллионы лет. Вот о чем я хочу написать..» Примерно через неделю Рубцов и Старичкова встретились снова, потом поэт надолго пропал. Видимо, уехал в Москву.

10 декабря в «Вологодском комсомольце» появился отчет о семинаре литераторов. Фрагмент: «Интересно и много говорилось о стихах Николая Рубцова...» Среди руководителей секции поэзии были С. Викулов, О. Фокина, Б. Чулков и др. Москвич Валерий Дементьев не упоминается, но, возможно, в эти дни он был в Вологде. Несколько раз я слышал историю о том, как Дементьев оценил «Осенние этюды», прочитанные Рубцовым. Местным вологодским писателям «Этюды» понравились, и они с нетерпением ждали мнения московского земляка. Но Дементьев сказал только — «длинно...» Не будем осуждать его; сразу понять и полюбить чужое произведение бывает трудно. Я сам не люблю длинноты в стихах, но у Рубцова в «Этюдах» нет ничего лишнего...

С семинаром связана одна ошибка. Когда-то Сергей Чухин написал в своих воспоминаниях, что семинар молодых был в 64-м году. Это не так. Но ошибка пошла кочевать по разным публикациям и изданиям. А вопрос о том, был ли Рубцов на семинаре 63-го года, остается открытым. Между прочим, С. Чухин пишет, что на семинаре (65 года) далеко не все оценили стихи Рубцова.

В те дни поэт квартировал главным образом у Бориса Чулкова. Послал запрос в адресный стол Череповца о сестре Галине. Ответ датирован 17 декабря — «Рубцова Галина Михайловна, Московский проспект, д. 44, кв. 62.» (Череповецкий горотдел милиции). Через много лет я повторил этот запрос, адрес получил тот же, побывал у Галины Михайловны. А Рубцова ответ, видимо, застал еще в Вологде. Но ездил ли он тогда к сестре, мы не знаем, она не помнит дат... 20 декабря поэт подарил свою «Лирику» Б. Чулкову: «Другу и любимому мной поэту Боре Чулкову с искренним пожеланием счастья, на память, от автора. г. Вологда».

После 20 декабря в Вологду пришло «странное» письмо из Донецкой области. Пишет некто Дмитрий Калюжный: «Дорогой Николай Рубцов! Я написал рецензию на Вашу книжку «Лирика». Подскажите, где можно опубликовать материал (150–180 строк). Были ли рецензии в местных газетах?.. Высыпаю сборник для автографа... Короче, жду вашего ответа...» И ни слова о сути стихов Рубцова!

14 декабря в «Литературной газете» Марк Соболь писал: «Рядом с именами поэтов, которых я давно знаю и люблю, встало новое для меня имя: Николай Рубцов. Это имя стоит запомнить. В каждом стихотворении... слышен очень чистый «земной голос» поэта. Его лирический герой неотторжим от родной земли, от друзей, от сограждан...» М. Соболь, скорей всего, опирался на публикации поэта в журнале «Октябрь». В 10-м номере этот журнал опубликовал стихи Рубцова — «Памяти матери», «На вокзале» («Закатилось солнце

за вагоны...»), «Сапоги мои — скрип да скрип...», «Мне лошадь встретилась в кустах...», «Добрый Филя», «Утро» (с концовкой, которая была позднее убрана). «Тихая моя родина!..» (сокращено), «О чём шумят друзья мои, поэты...»

Итак, год подошел к концу. Впереди Рубцова еще ожидали трудные годы и новые победы. Не знаю, где поэт встретил Новый год. По словам, Н. Старичковой, Викулов советовал ему поехать в Липин Бор. Вероятно, речь шла о работе в районной газете. Конечно, для такой работы поэт не был приспособлен. Но в Липин Бор он все-таки съездил. Только позднее.

Майя ПОЛЕТОВА

«Я НЕ ВЕРИЮ ВЕЧНОСТИ ПОКОЯ»

Я гордилась и радовалась, когда получила приглашение в Вологду на, ставший уже традицией, фестиваль «Рубцовская осень» 14 сентября 2001 г.

Гордилась приглашением, а радовалась тому, что вновь увижу истинных друзей творчества Рубцова, побываю в чудесном музее Н. Рубцова на Зосимовской улице, д. 2, где, я уверена, разрешит мне хозяйка его Н. А. Старичкова прикоснуться к хранящимся у нее вещам самого Николая Рубцова (перочинный нож, расческа, щетка, занавески на окне, покупке которых он так радовался когда-то), полистаю книги, которые он сам держал в руках...

По приезде в Вологду, я вдруг увидела эту газету «Русский Север» со страшной статьей Валерия Есипова «Рубцов не был убит».

На мой вопрос: «В чём дело? До чего докатилась Вологда?» последовал ответ: «Деньги делают все». В этом я убедилась, когда по приезде в Москву, решила дать свой ответ через газету «Труд» с опровержением вологодской статьи. Заместитель редактора газеты «Труд» сообщил мне: «Поместим Вашу статью, если заплатите 100 долларов, а статья с портретом Рубцова будет стоить 120 долларов».

Так вот почему я получала письма от сверстников Н. Рубцова по детскому дому (Жени Романовой, Марты Потаниной, Толи Мартюкова и др.), в которых они с возмущением писали по поводу показа по вологодскому телевидению фильмов к Рубцовскому юбилею, где главной героиней представляли Дербина — его убийцу. Какой же провидец был Рубцов, указав нам не только дату своей гибели, но и то, что покоя не будет ему и после гибели: «Я не верю вечности покоя». Так заканчивает он свои стихи «Я умру в Крещенские морозы».

В ответ на всю грязь, которую приводит в своей статье и В. Есипов, и вслед за ним новоявленные эксперты и сама убийца Дербина в своих книгах и статьях, что причиной гибели ВЕЛИКОГО РУБЦОВА является алкоголизм, я привожу свои доказательства и напоминаю читателям (в том числе из «сочинений» самой Дербиной), как и чем осуществляла убийца Рубцова свой замысел познакомиться и завлечь ПОЭТА РУБЦОВА.

Вот она приехала в Московскую гостиницу с домашним пивом (сначала в своих «сочинениях» писала «с бочонком», а затем — «с поллитровыми банками»). Вызвала Рубцова к себе в гостиницу и, эта «трезвенница», сама же распивала с ним пиво. Затем в 1969 году Дербина приехала покорять Рубцова в Вологду. Друг Николая Рубцова Н. А. Старичкова слышала, как на кухне Дербина обсуждала с Рубцовым проблему со спиртным: «Видела в

магазине дешевый коньяк «Плаксу», — сообщала она ему. Затем сама увязалась за Рубцовым на теплоходе в Тотьму, а Никольские жители вспоминали, как она ругалась с мужиками на этом теплоходе, лезла без очереди за пивом.

Сосед по подъезду, где жил Н. Рубцов на улице Яшина, на суде свидетельствовал, что часто видел Дербина сильно пьяной. Кроме того, В. И. Белов тоже не раз видел убийцу в неопрятном виде и пьяную.

В последний год жизни Рубцова Дербина привезла его в г. Вельск, где жили ее родители (так сказала на суде ее мать). Она же пишет, что Рубцов сам к ней приехал. Почему-то на самом видном месте перед гостем был поставлен бидон с пивом. Почему же она не убрала его? Навязав это пиво, сама же упрекала Рубцова в пристрастии к нему.

Дербина везде выставляет Рубцова алкоголиком. Так на вечере поэзии в Питере слышали ее голос из зала: «Этот алкоголик испортил всю мою поэтическую карьеру!», а все свои возлияния оставляет, так сказать, за кадром.

А вот какую историю я услышала от одной моей знакомой.

В августе 1979 года в Башкирии снимался стереофильм по башкирскому национально-му эпосу под названием «Всадники на золотом коне». На берегу реки Белой, под Белорецком (в городе находились бывшие демидовские заводы) была построена декорация для съемок одного из эпизодов картины. В выходной день автобус со съемочной группой собрал жителей окрестных деревень в национальных одеждах для участия в съемках. На одной из остановок в автобус ввалилась троица: русская, сильно подвыпившая бабенка с раскрасневшимся лицом и рыжеватыми вихрами в обыкновенном летнем платье и двое ее спутников — башкиров в современных костюмах с довольными лицами. В съемочной группе обратили внимание, что местные жители презрительно толкали ее руками, укоризненно качали головами. Один из членов съемочной группы осуждающее показал на нее: «Посмотри на эту..., как к ней местные жители относятся». На что моя знакомая ответила: «Да ладно тебе! Мало ли у нее какие беды, ты уж сразу осуждать...» А он весь вспыхнул: «Да ты знаешь, кто она такая? — Она сидела за убийство, кажется, мужа или любовника, а теперь работает здесь в детской библиотеке! И моей знакомой стало жутко: «Как это сидеть за убийство и после этого работать в библиотеке! С детьми?». Но этим троим выпитого было мало и на следующей остановке в поселке (там находился сельмаг с вино-водочным отделом) хмельная троица выкатилась из автобуса.

А ведь в своих сочинениях Дербина гордится тем, что является «наследницей по прямой» заводчиков Демидовых и несет на себе печать «роковой женщины». А ведь нигде не писала она, что скрывалась в Башкирии и не рассказывала, как себя там вела!

Малочисленные поклонницы Дербино видят в ней талантливую поэтессу, но где поэзия? — Ее нет. Откровенно хищнические стихи, не прошедшие никакой поэтической школы. Одна лишь гигантомания и угрозы к былым возлюбленным. Правда они вовремя ретировались и смогли избежать участия, которой удостоился самый талантливый из них — поэт Рубцов.

Однажды он сказал Старичковой: «Я ведь тоже могу ошибаться». Когда же Рубцов понял, что представляет собой «поэтесса Дербина», стал уезжать от нее из Вологды. И помесячно документально доказано, где он в это время находился. Даже у известной поэтессы Ларисы Васильевой просил дать ему убежище, в ее семье в Москве. Но «волчица» все же настигла его.

Виталий СЕРКОВ

РУБЦОВ

В лучах его простой негромкой славы
Кто только ни погрел холодных рук!
Враг написал неискренние главы,
И искреннее слово молвил друг.

Судьба и пилигрима, и изгоя,
Не ведавшего творческих оков,
Лишила и последнего покоя
Завистливых Отечества врагов.

Звучит для них, как в ясном небе гром,
Сметая философию клоповью:
«За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью».

И вздрагивают в ужасе они,
Почуяв, чем строка поэта дышит:
«Россия, Руслан! Храни себя, храни!»
А вдруг она завет его услышит?

Бросает их от ненависти в дрожь,
Густеет ложь, темнеет небылица.

Но Русь жива, и люди сеют рожь,
Все чаще обращая к небу лица.

Сергей ЖИЛИН

У МОГИЛЫ РУБЦОВА

В ладони стынет георгин,
Прихвачен воздухом морозным.
Не приходи сюда один –
Быть одному здесь невозможно.

Как по нейтральной полосе
Бреду по узенькой тропинке,
И Пошехонское шоссе
Жизнь режет на две половинки.

Хотя б минуту здесь постой,
Шекою прикоснись к Отчизне...
Полупустой двадцать шестой
Автобус следует по жизни.

2002 г.
г. Ижевск

МНЕНИЯ И ФАКТЫ:

Думаю, руководство разберется, кого награждать, а кому по шапке дать. Но выводы надо делать. Надо начать с того, когда было разогнано Управление ФСБ по разработке и пресечению деятельности преступных организаций, которое возглавлял генерал Е. Хохольков. Оно было разогнано по сценарию Березовского через Литвиненко и его пособников. Фактически была уничтожена агентурная сеть, которую это же управление наладило. А ведь оно давало свои плоды.

A. Коржаков, «ЛГ»

...Это значит, что власть не имеет никакого контроля над СМИ. Это значит (пользуясь спорным образом Глеба Павловского), что диссидентская «гадина» вовсе не «раздавлена», что она просто ждет любой силы, которая будет против государства, чтобы поддержать эту силу. И эта гадина валей власти процветает в электронных СМИ, то есть в сердцевине власти ХХI века.

C. Кургинян

Мзбраниое

Виталий СЕРКОВ

В ВОЛОГДЕ

Родней мне речь не ярославского,
А вологодского народа.
Она и боль, и ярость ласково
С души снимает на три года.

Поет старушка:

«Здравствуй, батюшко,
Уж сколь годочеков не бывали!»
Здесь для России славу Батюшков,
Рубцов и Яшин добывали.

Здесь с довремен Ивана Грозного
Грешили, плакали и пели
Под перезвоны дня морозного,
И в зной, и в слякоть, и в капели.

И днесь, и встарь глушили горькую
И крыли бранью подзаборной,
Но до сих пор гордятся горкою,
Что называется Соборной.

Сюда являясь не по поводу –
По зову сердца приезжая,
Я вижу: к речке ходят по воду,
Про бытие соображая.

И душ, и ванны есть, но банные
Еще компании живучи.
Постройки жмутся деревянные
К домам, встающим выше тучи

Грешна ли, свята ли —
столицею
Ее всегда воспринимая,
Вознаграждается столицею
Душа заблудшая, немая.

Николаю Ивеншеву

На улице Жлобы живут не жлобы,
В них нет ни ехидства, ни злобы.
Они напрягают могучие лбы,
Прославить Отечество чтобы.

В станице Полтавской, в казенном дому,
В манерс, для сердца любезной,
Мой друг заполняет, витая в дыму,
Блокнот и беседует с бездной.

Чтоб слово склонялось на все падежи,
Храня деревенское детство,
Следит, как полезет из пасти дежи
Крутое словесное тесто.

Тогда уж таких кренделей завернет,
Что ахнешь от запаха сдобы!
И что там Париж иль какой-то Вермонт?
Им лучше сгореть от стыдобы.

Он явит словесной мелодии вязь,
Которую вдруг обнаружив,
Восхлику восторженно я, удивясь:
«Да это ж подобие кружев!»

«На свете счастья нет,
но есть покой и воля».

А. С. Пушкин

«Молчите, Тряпкин и Рубцов –
Поэты русской резервации».

Ю.Кузнецов

Хочу я быть добрей, но подлые законы
И грязные слова не ветром нанесло...
Готовятся для нас и стойла, и загоны,
Но выживем смертям и всем чертям назло.

«На свете счастья нет.
но есть покой и воля»,
Но если умыкнут и волю, и покой,
Останется на всех не рабская ли доля?
Вовеки не приму я участи такой.

Я правды не боюсь. Пусть враг ее боится,
Когда она на свет является из мглы.
Лишь темная душа в тени добра таится
Да тысяча чертей на кончике иглы.

* * *

Не дактиль, не спондэй, не ямб и
не анапест,
Не дольника полет и, даже, не хорей,
Не боль в твоих стихах рифмуется
крест накрест –
Желание себя прославить поскорей.

И в них не ночевал слог легкий и певучий,
Ты вместо коренных и выверенных рифм,
Как мусор на совок, сметаешь
сор созвучий,
Являя лишь тебе известный алгоритм.

Да что я говорю? Тебе и дела мало,
Не русскому душой, до русского стиха!
Ответь: тебя судьба когда и где ломала?
Молчишь? И я молчу, подальше от греха...

* * *

Время вносит коррективы
В поведенье и в умы.
Мы не так уже ретивы,
И не так беспечны мы.

И хотя еще не старость
Сединой виски метет,
Но смертельная усталость
Душу давит и гнетет.

Ни печали, ни испуга.
Не настал им, видно, срок.
Лишь вопрос во взгляде друга
Да намеки между строк...

Михаил ГРИГОРЬЕВ

* * *

На деревенском кладбище покой,
лишь изредка зайдутся в крике птицы,
сердясь, как будто: кто ешё такой –
один — средь мирно спящих суетится.
Я подновляю ветхие кресты –
кого мы помним, тот не канул в Лету,
успокоене должен обрести –
забвенья нет его земному следу.
Но меж могучих елей и берёз
есть холмики — давным-давно забыты:
швыряла жизнь селян за сотни вёрст,
и вот уж поколений связь разбита.
Всех деревень в стране не сосчитать,
покинутых, как будто враг нагрянул,
век потрясений, как коварный татъ,
крестьянский мир безжалостно тиринал.
Земля... для нас священней дара нет.
За все бесчинства, дикость и глумленья,
держать ешё заслуженный ответ
на горестной дороге к вразумлению.

* * *

Не появились ниоткуда
бомжи, маньяки, наркоманы...
Когда-то их, живое чудо,
счастливые, рожали мамы.
С кого спросить и кто ответит
за сверхбезумие распада,
за что с душою светлой дети
становятся исчадьем ада?
Подавлен дух и мутен разум,

мессию ждём, вождя, пророка?
Быть может, в бездну ухну разом,
очнёмся — но не будет проку...
Снег выпал чист — до изумленья,
ну разве может что случиться?
Да только стойкий запах тленья
не зря, наверное, сочится.

расщедрилось нечаянно на ласку
и золото тепла прощально дарит,
мир превращая в песенную сказку.
Пусть мимолётно всё на Божьем свете,
но чудо красок осени — царицы
гореть в душе животворящим светом.
Волшебная, я преданный твой рыцарь.

* * *

Не дают нам спать невзгоды,
наш покой давно украден —
суета, тревоги, годы —
уж какая тут отрада,
да подкинут стрессы дети,
подпихнут забот ораву,
да амбиций вдруг радетель
с наслажденьем жизнь отравит.
И в державе сущий хаос,
тут уже не до обиды —
в боли сердце запыхалось
и душа тоской разбита.
Но — живём, а как иначе,
наша где не пропадала,
не запьёшь и не заплачешь —
знаем, толку в этом мало...
Я гитару вдруг достану,
напоёмся мы, как прежде,
и в груди полегче станет,
поживём ещё — надеждой.

* * *

Сегодня осень царственна особо,
сражён, всё позабыв, спешу к ней, только б
причастным быть к божественной особе,
вдохнуть красы заветной, ну хоть сколько б,
пока нарядов пышных разноцветье
дожди и ветры не сорвали грубо,
изысканнейшей моднице на свете
шепчу слова, интимные сугубо,
хмельной от солнца, и оно в ударе,

Владимир НАБОКОВ

Перевел Игорь Захаров

1.

Что перевод? Лишь бормотанье
Мартышки, попугая крик,
Поэта черепа мерцанье
И оскверненный смерти лик.
Кого клеймил ты униженьем,
Уж прощены. Прошу прощенья,
О, Пушкин, хитростью лишь я
Сумел исследовать тебя;
Вдоль стебля к корню проникая,
Впитав, как новый, твой язык,
Взрастил свой стебель. Он возник,
Как твой, сонету подражая,
Соцветием правдивых проз —
Сестрой колючей твоих роз.

2.

Значенье слов — лишь отраженье
Чуть удлиненных огоньков,
Крутящихся в речном теченье
В туманной мгле вдоль берегов.
Неуловимый Пушкин! Рыно
Я мчусь во след с серьгой Татьяны
Повесе мрачному. И я
Нашел ошибку, проведя
Анализ сладостных созвучий,
Украсивших великий твой
Четвертый стих Главы Восьмой.
Мой долг — терпенье, пыл научный
Свести в итог: на монумент
Твой капнуть птичий экскремент.

Критика и публицистика

А. РЕКЕМЧУК

О ТВАРДОВСКОМ

...Он топтался на месте, не зная, куда двинуться.

И этим сразу же воспользовались мои соседи по единственному столу, стоявшему в переходе оттуда сюда и отсюда туда.

— Александр Трифонович, присаживайтесь к нам! — позвал его Володя Чивилихин.

Я не уверен, что Твардовский узнал его, что он вообще был с ним знаком. В другой раз он просто прошёл бы мимо этого стола, не взглянув. Он был надменен и крут.

Но сейчас это радушное приглашение было для него спасительным выходом из положения ни туда, ни сюда. И, в конце концов, он знал, что нынче в этом доме и во всех его залах собирались писатели, одни лишь писатели, братья по ремеслу, большие и маленькие, знаменитые и безвестные, — тоже ли чураться собраться?..

И он грузно опустился на придвижную табуретку.

Милостиво кивнул всем, не ввязываясь в рукопожатия.

Тотчас была налита рюмка водки и поставлена перед ним.

Однако он не торопился пить: хмуро и задышливо разглядывал её.

Вероятно, слух о появлении Твардовского в писательском клубе и о его неожиданном приземлении за одним из столов мгновенно — как всегда в этих стенах — обежал ресторанные залы и укромные закоулки.

Из Дубового зала, где мы только что сидели у камина, выскочил встревоженный Вася Аксёнов. Он сразу же увидел всю диспозицию и столь же быстро её оценил.

Он подошёл к Твардовскому, наклонился к его уху, сказал негромко, но внятно:

— Александр Трифонович, вы сели не за тот стол.

Твардовский повернул голову к Аксёнову и столь же внятно ответил:

— Оставьте в покое моё ухо!

Оторопевший от неожиданности и, совершенно очевидно, обиженный до глубины души, Вася отпрянул, повернулся, сгорбясь в плечах, ушёл.

За столом, где я сидел, воцарилось немое ликование.

Думаю, что именно этот грубый отпор, данный Аксёнову прилюдно и, может быть, преднамеренно, подтолкнул дальнейший разговор на ту опасную быстрину, что вряд ли предвиделась заранее. Впрочем, тут вообще ничего заранее не предвиделось, всё произошло случайно.

— Александр Трифонович, — взволнованно, но чрезсур запальчиво повёл речь Чивилихин, — вы великий советский поэт. Как вы могли напечатать в «Новом мире» Солженицына?

Я оторопел.

Твардовский глухо молчал, склонив голову и уставясь взглядом в нетронутую рюмку.

— Вы русский человек, Александр Трифонович, — продолжил Чивилихин в том же атакующем тоне. — Так почему же у вас в редакции одни жиды?

Меня передёрнуло. Я понял, что нужно немедленно и резко вмешаться в этот разговор, иначе я никогда себе не прощу уже того, что он произошёл в моём присутствии.

Хуже того: я понял, что Твардовский — потом, когда он придёт в себя, когда выздоровеет, если, конечно, не забудет, — что он никогда в жизни не простит себе собственного унижения, тех слов, что ему пришлось безмолвно выслушать.

Но для кого тут могло что-то значить моё вмешательство? Ведь я был в этой компании таким же неотёсанным литературным мальчишкой, как и остальные, хотя нам всем уже перевалило за тридцать.

В беспомощности я повернулся к Николаю Матвеевичу Грибачёву.

Он один среди нас был, так сказать, уже не мальчиком, но мужем. Ровесник Твардовского. Фронтовик. Он был не просто мужем, но государственным мужем. Кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета... Разве не он был должен — больше того, обязан! — прервать эту глумливую провокацию в отношении беспомощного, больного человека, сознание которого сейчас замутнено, вывихнуто?

Но Грибачёв молчал, глядя на Твардовского с гадливым любопытством.

Это было уже чересчур.

— Александр Трифонович, вы действительно великий русский поэт, — сказал я, невольно повторяя склад речей Чивилихина. — Так неужели ради рюмки водки вы останетесь сидеть с этими мерзавцами?

Твардовский поднялся рывком, толкнул табуретку и скованной походкой человека, следящего за тем, чтобы не пошатнуться, двинулся прочь.

А я сидел ни жив ни мёртв. Я твёрдо знал, что поступил как надо. И сказал именно то, что следовало сказать.

В этом не было умысла — всё сделалось по наитию, по движению души. И было бы натяжкой считать, что мною руководили соображения политического, группового толка — всё того же расклада на «своих» и «чужих», на «белых» и «красных», на «правых» и «левых». Нет, в этой пьяной сваре не было не то что политической, но даже литературной подоплёнки.

Тут было лишь сочувствие молодого пьячуги старому пьянице. Я знал по опыту, каково будет ему вспомнить об этой передряге, когда он оклемается, прорыхается, обсохнет и когда станет нестерпимо стыдно не только за каждое опрометчивое слово, которое сказал, но даже за то, какое услышал и оставил без ответа.

Но, как и следовало ожидать, мои соседи по столу были вовсе не склонны прощать мне мою выходку.

Мне совали кулаки под нос, меня материли щёпотом и в голос. Я наслышался такого, чего никогда не слыхал ни в более крутых, ни в менее лихие времена.

Лишил одна фраза запала в душу, потому что в ней была не только брань, но был и смысл.

«У нас был единственный случай поговорить с ним, найти общий язык. А ты всё испортил, гад!»

Так оно, наверное, и было.

Да что с меня взять? Я ведь тоже был поддатый.

«Лит. Россия»

Николай МАРКЕЛОВ

СУРОВАЯ НЕЖНОСТЬ

о стихах Юрия Максина

Я познакомился со стихами Юрия Максина сравнительно недавно — по журналу «Автограф» и книжке «Тихой жизни круг» (Вологда, 2000). Заинтересовался, прочитал другие его сборники, первые.

Поэт традиционного склада, Юрий Максин, тем не менее, совершенно самобытен. Темы памяти, родины, любви — основные в его творчестве:

Пароход о берег носом ткнулся.

Я здесь — не случайный пассажир.

Я к себе на родину вернулся,

Где легко и безмятежно жил...

Юрий Максин немногословен. Есть какая-то строгая, суровая нежность в его стихах. Он, например, написал великолепные стихи о своем брате — «И на этом берегу — лес...», о дочери — «Еленин клен» и другие. В них нет сентиментальности, они мудры, глубоки и очень лиричны. Время, связь поколений — вот что волнует автора:

*Я посадил Еленин клен
в честь дочери моей.
Не распадется связь племен —
деревьев и детей...*

Потом я узнал, что многие стихи Ю. Максина стали песнями, они поются. К лучшим стихам поэта можно также отнести — «Всю ночь шел дождь...», «Не колокольчика тоска...», «Ядвигаюсь в жизни...», «Наличники», «Замело все пути...» и другие. Поэт находит точные слова, образы его неожиданны и выпуклы. Внимательное, бережное отношение к каждому слову свойственно Юрию Максину. Однажды он сказал: «Мир гибнет от слова пустого...»

Читатели найдут стихи нашего поэта не только в книгах. Они печатались в толстых и тонких журналах, во многих газетах, постоянно появляются в «Автографе» и «Красном Севере». Они известны не только в Вологде, России, но и в Финляндии, например. Юрий Максин — член Союза писателей России, лауреат областного конкурса имени Николая Рубцова.

А живет поэт в маленьком городке Устюжене. и нисколько не тяготится этим, любит родные места:

*Я к себе на родину причалил,
пароход надолго отпустил.*

г. Вологда

Виталий СЕРКОВ

СУДЬБА НА ПОРОГЕ

Так называется изданный в Вологде поэтический сборник известного писателя и литературоведа Вячеслава Белкова, автора восьми книг, четыре из которых посвящены творчеству и жизненному пути замечательного русского поэта Н. М. Рубцова.

В сборнике, оформленном гравюрой Е. Лебедева, неравнодушный читатель найдет попытку философского осмыслиения жизни и ее нравственных основ, картины природы, родной Вологды и «палисадочный быт» городских окраин, где

*...судят
И грубо, и резко.
Но как же, наверно,
Умеют любить
За той, золотой занавеской!*

Автор понимает, что пишет стихи «для немногих — для земляков и облаков», им он и признается:

*Безветрие меня раздавит,
Метель родимая — спасет.*

Думаю, что «безветрие» и «метель» надо понимать не в буквальном смысле, а как состоянне души и общества. И когда читаешь в стихотворении «Лейзаж» завершающие строки: Прочно на ветку села Знаком вопроса птица, то понимаешь, что образ этот намного глубже картинки, относящейся к пейзажу. Вопросы, скорей всего, автор задает себе, пытаясь на них ответить, и времени — то скатому до мига, то беспредельному.

Справедливости ради, надо отметить, что и к автору после прочтения книги появилось немало вопросов. Саморедактирование стало причиной оставления в стихах слабых рифм, сбоев ритма, стилистических погрешностей, которые легко могли быть устранины во время подготовки рукописи к изданию.

Читатель найдет в стихах и доброту, и самоиронию, и строки, рвущиеся в пародию.

Отдельным разделом в сборнике помещены хайку, т.е. трехстишия, которыми писали японские самураи. Они обычно содержат созерцательность, философское осмысление и строго определенное количество слов в строках. У Вячеслава Белкова есть хайку, не оставляющие равнодушным: «Ветер целился / Прямо в меня. / Я не мог улыбнуться». Так что и в Вологде теперь есть свой самурай.

Галина ШВЕЦОВА

ЕЩЕ РАЗ О «ГЛУПОВАТОЙ» ПОЭЗИИ

Что происходит с поэзией, когда уходят сильные поэты, когда смолкают критики? Волей-неволей поэты начинают сдавать свои позиции, ведь поэзия не стоит на месте, и, учась на классике, начинаешь понимать: необходимо еще и живое общение с талантливыми писателями. С другой стороны, при знакомстве с творениями авторов появляется такое чувство, будто наши современники подзабыли все, что было написано до них прекрасными мастерами слова.

В чем здесь причина? Во-первых, поэты должны помнить, что нельзя придумывать стихи, они создаются Божественным вдохновением. Во-вторых, это не означает, что не нужна серьезная работа над написанным, более поздняя его перечитка, взгляд как бы со стороны.

Прежде чем продолжить разговор на эту тему, автор считает необходимым признаться, что и сам страдает нижеизложенными ошибками.

Основные же из них примерно таковы: слабовыраженность идеи, порой вовсе перед нами рифмованная проза без поэтической «изюминки». А построение предложений и смысловая неточность выражаемых понятий говорят о недружбе с русским языком. Кстати, последнее — неточность — очень распространенное заболевание в литературе и очень серьезное. Далее — слово в угоду рифме, ритму, склонность к штампам, гасящим остроту восприятия образа, «разношерстность» метафор, убивающих одна другую и общий образ, многословие, даже пустословие и т.д. Особого внимания заслуживают эпические стихи. Их лексика порой настолько газетная либо наполнена литературными штампами, что стихи выглядят непоэтичными, сухими высказываниями.

Можно для примера остановиться на нескольких стихотворениях из 21-го номера ж. «Афтограф». Одно из них — запутанное стихотворение талантливого устюженского писателя Юрия Максина, которое выглядит несколько тяжеловесно и не совсем цельно. Поэт начинает его со штампов типа «плоды просвещения», которые «накликали» «в доме грозу», плюс «дым обновленья», и на заднем плане картины образ — глаз со слезами. Мысль авторская ясна, но все эти не стыкующиеся в поэзии разнородные образы уводят от восприятия стиха в целом. Два следующих четверостишия написаны с теми же отрицательными моментами. И концовка здесь несколько парадоксальна, поскольку «не в прошлом...» «обретается Русь», но — «память пространства» «вернет на утерянный путь! Изобилие штампов, символов сплелось в клубок, который не так просто связать в единую ткань из-за разнородности нитей в нем.

Более серьезно хотелось бы остановиться на стихотворении Ал-дра Дубинина, интересного поэта, «Корни» (такое название) поражают воображение первыми же строками:

*Глагол. Наречия напряг.
Всех существительных замена.*

Ожидаясь чего-то такого же мощного и дальше. И хотя ниже в четверостишии тема меняется:

*Переворот. Пиджак набряк.
Кровь кончилась. Осталась пена. --*

читатель уже заинтригован таким переходом от лингвистических понятий к живому образу, ждет пояснений. Но вместо того вырисовываются новые нерасшифрованные образы: цветов, «корня... личин»? — мутанта какого-то. Далее следуют нравоучения. И заканчивается все сложным четверостишием, где не понятно, кого все же обвиняют: цветы перекрашенные, не ведающие каких-то причин, или корни, которые ручи сосут и кормят, являясь корнями всех личин, видимо, отрицательных персон. Т.е. своеобразная стихотворная шарада, напичканныя глубоко зашифрованными символами, которые приводят читателя к недоумению: а о чём же все это?

В стиле В. Маяковского написано стихотворение содержательного поэта Николая Бушенева о сути поэзии — квинтэссенция мудрости. И, как нельзя кстати, здесь будет замечание А. С. Пушкина, что поэзия должна быть глуповатой. В подборке Н. Бушенева много мест, которые «не звучат» ввиду засилья «непоэтической» лексики, растянутости стихов.

Неточности встречаются и в стихотворении А. Мавромадиса, где «без сознанья» «бьется сердце» — это не голова, имеющая сознание; «сон не ищет пробужденья» — он не может искать, не человек, ищущий бодрствования; «крылья сами не летят» — не могут лететь.

Остается пожелать поэтам более чутко относиться к слову и не нести в поэзию любой житейский сор. А вообще, если есть разговор о поэзии, значит она все же существует. Только об удачах вышеназванных поэтов здесь не говорилось. А ведь стоит перечесть из этого же номера журнала стихи Василия Мишенева, хотя бы его —

*Годы — горы,
Годы — реки.
Наша память —
Посошок.
Отдохнув,
Смежая веки,
Подрастая
На вершок.
Отдышусь —
Опять в дорогу.
Но куда —
Не знаю сам.
То ли — к отчёму
Порогу,
То ли — выше,
К небесам —*

И будто получаешь глоток свежего воздуха. Ничего лишнего, мелкого, злого, надуманного, «умного». Сокровенно, точно, ритмично, поэтично. И еще раз вспомниши мысль Пушкина о глуповатой

поэзии. Только сказал об этом человек большого дарования, а значит, и «глуповатость» должна идти от большого поэтического ума.

АКЦИЯ

В Москве группа печально известных «художников» перформанса устроила выставку-глумление над православными святынями. Глубоко символично, что эта злая акция проведена в Центре им. А. Сахарова. И что поддержали эту акцию директор Центра Ю. Самодуров и правозащитник С. Ковалев

Н. Маркелов,
по материалам «ЛГ».

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Лидия Теплова «Песня травы», стихи, Вологда, 2003. Серия «Вологда. 21 век». Стальные и новые стихи.

Николай Кучмидя «Скажи, браток...», проза, Вологда, 2003. Кроме рассказов в книгу вошла повесть, которая раньше называлась «Кандалакша».

Владимир Белецкий-Железняк «Любовь моя, Вологда», повести, этюды, Вологда, 2003. Редактор и автор предисловия Василий Обутуров.

«Автограф» № 24, Вологда, 2003. Сокольский выпуск. Авторы номера — П. Рожнова, Т. Лавтакова, В. Мурин, В. Вахрамеев, А. Башкиров. Воспоминания Л. Одинцовой о Рубцове, заметки о Г. Асафонове, Н. Бушеневе и других. Художники Г. Кулишов, В. Тихомиров...

Александр Сидоренко «Чужой», стихи, Вологда-Череповец, 2001. Миниатюрное издание. Есть несколько хороших стихотворений.

В. Белков «Звездный год Николая Рубцова», ж. «Слово», № 1, 2003. (Москва). Очерк о Рубцове в 1967 году.

Виталий Серков. Подборка стихов, «Литературная Россия», март 2003 года. Уроженец Вологодской области, живет в Сочи.

Юрий Кириенко «Белый куст сирени», стихи и песни, Москва, 2003. Автор написал две книги о Николае Рубцове.

Муза Береснева «Верный сын России», Никольск, 2003. Это познавательная викторина о жизни и творчестве Александра Яшина.

Сборник «Быть», лирика, Череповец, 2001. Среди авторов — М. Силина, Юджин, И. Ратникова и другие.

Надежда Деревягина «Кастальский ключ» (встречи с Валерием Гаврилиным), Череповец, 2003. Красивая книжка.

Валентина Старкова «Летние этюды», стихотворения, Вологда, 2003. Миниатюрное издание.

Ольга Александрова «Мелодии души», стихи, Вологда, 2003.

Короткая проза

Ольга КУЗНЕЦОВА

ЖАЖДА

Солнце жгло, словно хотело за этот день испепелить весь мир. А от мира осталась только вот эта бесконечная, широкая, словно река, грядка с неровно взошедшими кустиками картошки.

Гудела голова, кровь в жилах густела. Он пересчитал количество окученных рядков, пытался досчитать, сколько же осталось, но не смог. Да лучше бы этого не делал — все силы уже потрачены, а сделанное так и не перевалило за половину. В рот попало что-то соленое — пот или кровь — разбираться не хотелось. Конечно, работать утром или вечером было бы не так жарко, но откуда-то бралась невиданная ранес в этих краях микроскопическая мошка, которая выкусывала кусочки кожи, и укушенное место опухало и нещадно чесалось.

Хотелось пить. Нет, только не воду, от которой разбухаешь и слабнешь, от которой тело становится еще более безвольным и дряблым. Это должно быть пиво, пусть даже теплое. Только оно способно восстановить загустевшую кровь, такую, будто из нее выпарили всю воду, и осталась одна только соленая плазма...

Неизвестно, мотыгу держал Андрей, или он держался за мотыгу. Засохший суглинок с трудом впускал в себя никогда не точенную, зазубренную тяпку, прекрасно держал ходившего без доски между рядами Андрея — молодого мужика, хоть и худого, но рослого. Картошка было посажена густо. Но обижаться не на кого — сам садил щедро принесенные со всей улицы разносортовые семена. Жена ушла осенью к торгашу, в коттедж с резным палисадником. Она проживет и без огорода, а вот Андрюхе без него — хана...

Прошлой зимой, по пьяни, накрывшей его как пустой мешок — с головой, все посаженное еще с Райкой, картоху и морковь, лук со свеклой, Андрюху заморозил, не опустив до холодов в яму. Отшавших коз увела вовремя спохватившаяся теща. Заворачивалась потом еще не раз, вывозя добро. А Райка из дома ничего так и не взяла — на готовое уходила, ни к чему ей те крохи, что наживали они с Андрюхой пять лет... Мыкаясь без работы, совсем опустился тогда мужик. Голод довел его до того, что через день таскался на кладбище — ближе к концу короткого зимнего дня, к закату. Пугаясь собственной огромной, от низкого солнца, черной тени на рыхком снегу, терпеливо выжидая, когда уйдут с кладбища последние люди, и наперегонки с птицами собирая в сумку куски. Пернатые были проворнее, но не так всеядны. Подбирая накрошенное и насыпанное, они обычно оставляли ему конфеты в ярких фантиках, пряники, печенье, яйца. Кажется, стылос крашенное яйцо с могильного холма до сих пор стоит в горле...

Андрюху замутило. Но около дома послышалось встревоженное чириканье, и он повернул тяжелую голову. Две пичуги встревожено носились возле гнезда, устроенного под стрехой. Названия птичек он не знал, это были какие-то лесные жительницы, почему-то выбравшие в этот год для гнезда крышу его дома. Были они чуть побольше воробья, потоньше его и поизящней, да грудка у них была розоватенькая. Зорянками прозвал их Андрей. Знал просто, что такие птички есть. Но с такой же долей вероятности это могли быть мухоловки, зяблики или краливники.

Приблудная кошка, черная красавица с блестящей шерстью, меченная как бантом белым пятном на голове, сидела на шиферной крыше возле самого гнезда. Но, пожалуй, лапой, даже если очень сильно постараешься, птенцов ей не достать. Вот если бы охотница додумалась зайти с другой стороны по желобу и сесть на воронку, то, если сооружение не рухнет, она смогла бы дотянуться... Волнение пичуг не прекращалось, а кошка, не обращая на них внимания, спокойно сидела себе, словно ожидая, что птенцы сейчас сами вылезут ей в лапы.

Андрей откликнулся от мотыги и пошел к дому. Гвалт зорянок усилился. А мужик, подняв с костра дров длинноящую гибкую вагонку, легко прогнал охотницу прочь. Впрочем, пока он возвращался к гряде, кошка уже вернулась на прежнее место.

Андрей беззлобно запустил в нее засохший в камень ком земли. Тот грохотнул по шиферу, даже не рассыпавшись. Кошка близоруко посмотрела на Андрея, чуть отодвинулась и вновь замерла. Решив, что в случае чего успеет прийти к птенцам на помощь, мужик с тупой настойчивостью стал снова дробить спекшуюся землю и нагребать комья на зеленые веточки.

Вспомнил, как весной, когда все копали огороды, Борис-сосед, перемахнул к нему через заборчик с почтой бутылкой водки, и они пошли на бревна за сарай. Хорошо так сидели, загадывали — грибная ли осень будет, пока не услышали Люсекин крик над домами: «Окайный, нельзя на минуту остановить, убег, только лопата торчит!». Борис тогда спрятался в сарае — переждать грозу. Андрюха прикрыл друга, наврав, что только вышел и соседа не видел. Прооравшись, Люсека сама взялась за лопату, и махала ей без перекура дотемна, так что выйти из укрытия Борису, не подведя друга, никак не удавалось. Когда наконец гряда у Люсеки закончилась, и женщина ушла обряжаться, Андрей нашел друга спящим на поленище, как на топчане. Интеллигентно так спал, даже не потеряв очки. На следующий день сосед повесился. Ему не удалось найти опохмелу — бабы на улице все уже или потратились, или еще берегли деньги и водку на вспашку и навоз...

Андрей подошел к поваленному заборчику, перешагнул, оказался на люсекиной территории. Не окучено ничего, картошка только еще прощелкивала прочный земляной панцирь. Из-за похорон баба посадила поздно, упустив влагу. А дождей так и не было, и растениям досталась только снеговая вода, что успела набрать в себя землю.

Мужик обошел бороздой дом, постучался в обитую изолитовой дверь. Изолита вовремя не была покрашена, весной ее извело от влаги, и сейчас она шла высохшими жесткими волнами. Звук был глухой, и Андрюха уже хотел постучать по дребезжащей воронке, но его все-таки услышали.

— Кто там? — долетел Люсекин голос.

— Я, Андрюха, — ответил он через дверь. И пока та не открыла, поторопился попросить. — Дай сорок рублей!

Она открыла, посмотрела на него, косящего в сторону, и, ничего не говоря, вдруг заревела, громко и совсем не стесняясь, ушла в дом, и, продолжая реветь, принесла деньги, подала их. Он торопливо взял, и заспешил прочь, не оглядываясь, но чувствуя спиной, как она стоит в притворе, не утирая слез с некрасивого веснушчатого лица, как сильно вздрагивает ее крупное тело с огромными титьками.

Третью бутылку он выпил, едва зайдя за угол магазина. Щедро перченый зеленый помидор, пахнувший плесенью, купленный вместе с бутылкой, был как нельзя кстати. Пустой желудок обожгло, кровь наконец-то разбавилась. Стало легко, весело и хорошо, сил появилось столько, что он уже стал думать, как сейчас он быстренько — вжик-вжик — и расправится с грядой. Сильно наклоняясь вперед, придерживая остатчик в кармане брюк, заспешил к дому. Радостно поздоровался с бредущей по жаре в магазин толстой бабкой Шурой и зашел к себе за калитку. Аккуратно закрыл ее на проволочную кругляшку, поставил бутылку в тень у колодца. И тут же наткнулся на кошку, которая сидела на дощатых мостках и умывалась. Вид у нее был добродушный и сыйтый. Андрей посмотрел наверх — две серые птички носились над разоренным гнездом. А комок сена, раздуваемый ветром, остаток гнезда, косматился в борозде...

Голову у мужика скрутило таким приступом ярости, что белый свет померк в глазах. Не помня себя, он схватил кошку. Та, судорожно изворачиваясь, старалась высвободиться от клешней страшного большого человека, нещадно царапалась. На коричневой коже руки выступила черная кровь, но боли он не чувствовал. Нечленораздельно рыча, Андрей хотел ударить кошку головой об угол, но в последний момент передумал и понес ее, держа перед собой, в сарай. Кошка, чувствуя близкий конец, изгибалась ужом, молча и упорно вертелась с силой почти человеческой. В дровянике с потолка свисали веревочные петли, которые когда-то пользовались для сушки березовых веников. Одну из них он и накинул кошке на шею. Животное мертввой хваткой вцепилось в рубаху, так что пришлось отдирать. Но человек в конце-концов победил, и кошка с безумными глазами, все так же молча и яростно изги-

баясь, повисла, а Андрей, чтобы не видеть конца, с осколом, похожим на улыбку, выскочил из сарая. По мосткам дошел до калитки, оперся на нее, и стараясь успокоиться, долго простоял, бессмысленно глядя в клубившееся марево, в которое превратился от зноя воздух. За дорогой, но показалось — вдали, как мираж, проплыла из магазина в ярком цветастом платье все та же бабка Шура.

Потом он взял у хлева лопату и пошел копать яму на луговине прямо за домом. Место обычно было сырое, мягкое, но сейчас здесь было жестко и неподатливо. С трудом сняв дерн, он хотел углубить яму штыка на два, но вдруг им овладело такое безразличие, такая апатия, что он, пару раз безрезультатно почерпав землю лопатой, решил просто прикрыть падаль дерном. Взял валявшуюся со времен посадки корзину с выбитой по углам дранкой, он пошел в сарай. Дверь легко поддалась. В сумраке, разрезанном на полосы неровными щелями, Андрей сначала ничего не увидел. Поднял голову, посмотрел наверх, где крепилась веревка, подумал, что она старая и могла запросто оборваться. Но увидел, что веревка закинута на поленницу и там, на дровах с петлей на шее сидела кошка. Глаза животного, встретившись с человеческими, загорелись, и она вдруг закричала яростно — почти как спятвшая Люська в тот злосчастный весенний день. Шерсть у животного на загривке встала, хвост яростно замотался из стороны в сторону... Видимо, кошка не сдавалась до последнего, продолжала бороться и, раскачиваясь, смогла уцепиться за дрова и так спаслась.

Рука Андрея потянулась к старому топору, воткнутому в изрубленный чурбан. Со скрипом лезвие вышло из рассохшегося дерева, тускло блеснув, стало подниматься вверх. По мере того как топор поднимался, кошка вжималась в набросанные кое-как поленья. Прижала уши, вытянула шею. Вот уже совсем легла, изо всех сил вжалась в неуступчивые дрова, и все время с ужасом смотрела круглыми немигающими глазами на топор, на худого, страшного человека.

— Ах, — выдохнул Андрей, топор упал сантиметрах в пяти от кошкой головы, рассек веревку. Кошка вздрогнула, но продолжала лежать, видимо, не понимая, что происходит. Черная шерсть на ее спине стояла дыбом, и, как показалось мужику, красные искры проскальзывали между шерстинками. Андрей отбросил топор в угол и вышел.

За прошедшие несколько минут на улице все изменилось. Стало очень темно, ветер налетел, и первые струи разрезали вязкий воздух. Этими струями с кустиков окученной картошки сбивались комочки земли, смывалась накопившаяся за время засухи пыль. А на нетронутой мотыгой земле появилась слизь. Потом, нащупав в земляной корке мельчайшие трещинки, влага стала пробиваться внутрь. И земля с готовностью помогала ей — всасывала в себя. И сушь сдавалась. Дождь, хлопотливый и тщательный, проникал все глубже и глубже, ища корешки как сорняков, так и растений, посаженных человеком. Всякому растению даря новые силы — одинаково...

Андрей, присевший у сарая на корточках, промок почти сразу. Дождь смочил волосы, струи заползли за рубаху, смывли кровь с ощарпанной руки. Над головой грохотало. А за спиной, в сарае, все еще стояла тишина. Но он ничего не слышал. Он плакал, как ревела час назад соседка, так же некрасиво и громко. Наверно, тут были слезы, которые он не пролил из-за ухода жены, из-за смерти Бориса. Будто соль уходила из организма, и сразу становилось легче. Пресный дождь уносил горечь, и казалось, что не будет ей больше возврата.

МНЕНИЯ И ФАКТЫ:

...Меня в связи с этим больше беспокоит вопрос, почему зарплата вице-президента компании, где основная доля капитала принадлежит государству, составляет больше двадцати миллионов долларов в год? Почему, то, что принадлежит всем нам, нашим внукам, правнукам, делится таким образом? Какой-то можно предел установить? Если бы он получал, скажем, пять тысяч долларов в месяц, никто бы его не похитил. И это только заместитель! Сколько же тогда получает его начальник? Причем это официальная зарплата. А неофициальная какая?

А. Коржаков

Графика

ХУДОЖНИК Василий ЛЕОНЕНКО

Художник-график Василий Федорович Леоненко родился 16 мая 1948 года в селе Колыбань на белорусском Полесье. В 1976 году окончил художественно-графический факультет Витебского педагогического института, эстампная мастерская Л. Антимонова. Дипломная работа — иллюстрации к поэме Якуба Коласа «Симон-музыкант».

Начиная с 1976 года, выполнил более 1000 экслибрисов. Работал также над станковыми листами малой формы и иллюстрациями. С 1974 года живет в г. Чернигове на Украине.

Работы Василия Леоненко экспонировались более чем на 250 выставках и конкурсах экслибриса и малой графики в странах Европы, Азии, Америки. Состоялось около 30 персональных выставок. На многих выставках-конкурсах работы были отмечены различными наградами, медалями, дипломами. Работы находятся в 40 музеях, художественных галереях разных стран мира, во многих частных коллекциях.

Многие годы В. Леоненко работает над Есенинианой. Создал «Есенинский цикл» из 10 линогравюр, 54 книжных знака на эту тему. Манера художника интересна и узнаваема. Работы мастера открывают нам новые грани поэзии Есенина, заставляют думать, радоваться, грустить.

Замечательны цветные экслибрисы художника, портретные книжные знаки и другие. С экслибрисами на нас смотрят Пушкин и Есенин, Толстой и Гоголь, Тютчев и Ахматова, Шевченко и Пастернак, Высоцкий... Знаки выразительны, красивы, лаконичны. В каждую работу вложены душа и высокое мастерство, имя которому — талант.

В. Меркулов

В. Белков

Юрий КОРОБОВ

Вологодский художник Юрий Коробов родился в 1952 году. В основном занимается живописью. Член Союза художников России. Участник многих выставок. Показываем сегодня графическую его работу — портрет поэта Николая Дружининского.

МАСТЕР ИЗ АСИНО

Художник Василий Тимофеевич Кеменов родился 3 января 1929 года в крестьянской семье. После окончания педагогического института работал учителем в Сибири. С 1954 года живет в городе Асино Томской области. Отличник народного просвещения. С 1976 года — художник-дизайнер.

Первый экслибрис Василий Кеменов сделал в 1965 году. С тех пор создал более 400 книжных знаков. Любимые темы — пушкинская и шахматная. Работы художника участвовали в двухстах выставках экслибриса в России и за рубежом. В Москве издана мини-книжка «Виртуоз из Асино» (2002). Обычно работает в технике гравюры на пластике, но занимается и живописью.

Один из своих экслибрисов художник создал специально для музея Пушкина в США. Переписывался с вологодской художницей А. Аверкиевой. Показываем в журнале несколько работ интересного мастера В. Т. Кеменова.

Вячеслав Белков

Георгий ПОПОВ

Известный вологодский художник. Автор оригинальных живописных работ. Показываем его сатирический рисунок.

ВВОЗ И ВЫВОЗ,
ИЛИ
СТАВЯТ КРЕСТ

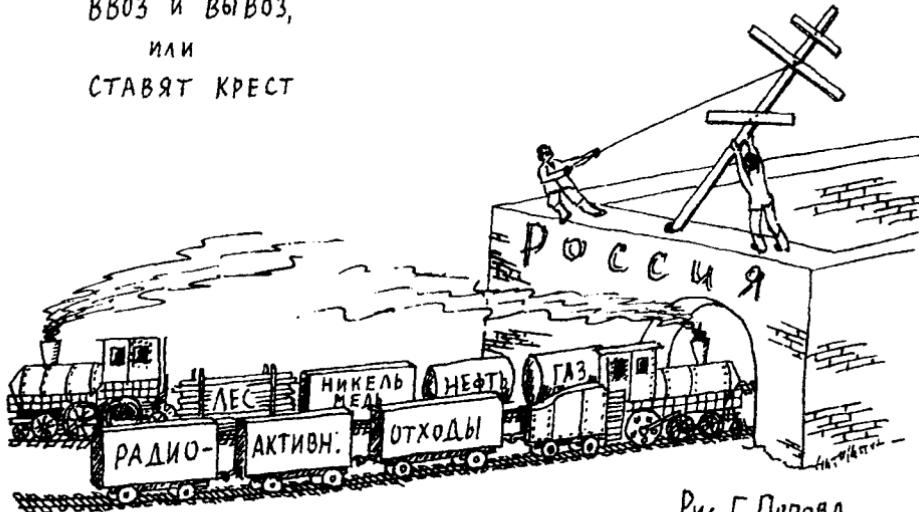

Рис. Г. Попова.

МНЕНИЯ И ФАКТЫ:

В современном Московском Английском клубе (возрожденном в мае 1996 года после почти 80-летнего перерыва) состоят представители самых различных профессий: художественные руководители театров А. А. Ширвиндт, М. А. Захаров, Е. И. Колобов; актеры М. М. Державин, Л. М. Гурченко, В. С. Девятов, Н. П. Каракенцов; министры М. Е. Швыдкой и А. П. Починок; экс-министры А. А. Нечаев, С. В. Калашников, маршал Е. И. Шапошников; крупные государственные деятели, секретарь Совета безопасности В. Б. Рушайло и председатель Совета Федерации первого созыва В. Ф. Шумейко; ученые, ректор МГИМО А. В. Торкунов, академик-экономист Н. П. Шмелев; композитор Ю. С. Саульский; многие представители российского бизнеса во главе с президентом РСПП А. И. Вольским; кинорежиссеры Э. А. Рязанов и С. С. Дружинина, спортсмены В. А. Третьяк и Е. А. Чайковская.

АВТОГРАФ
Литературно-художественный журнал

25

Обществ. совет: А.А.Грязев, В.С.Белков, Ю.П.Малоземов,
Ю.М.Максин, А.А.Пошехонов, А.П.Смолин, М.А.Полетова,
М.А.Григорьев, Т.А.Лавтакова, Н.Т.Бушенев, В.В.Попова,
О.Н.Кузнецова, Н.Б.Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.
Адресс для писем: Вологда, ул. Ленина, 2. Союз писателей. Вячеславу Белкову

Сдано в набор 01.04.03. Подп. в печать 22.04.03.
Заказ № 521

Вологда
2003

25